

Так продолжалось и дальше.

Монстры непрерывно нападали, словно намеренно не давая герцогу времени на ухаживания. У него не было ни единой свободной минуты, чтобы даже встретиться со своим помощником, не говоря уже о том, чтобы понять, почему тот не отвечает на его ухаживания.

Нет, видеть-то он его видел, но не мог провести с ним время. И каждый мимолётный взгляд на помощника лишь усиливал его тревогу, заставляя яростно рваться в бой с удвоенной силой.

Возможно, благодаря этой неистовой ярости наступила краткая передышка.

Едва представилась возможность, герцог направился напрямик к помощнику. Если бы он замешкался, эти проклятые твари снова бы на него набросились.

Сколько дней он сдерживал тревогу и злость? Его роскошная шкура, которую так любил помощник, теперь угрожала испортиться от накопившегося стресса.

И без того было достаточно мучительно, что его партнёр не отвечал на ухаживания, а тут ещё риск испортить то, что тому нравилось.

Сегодня он был полон решимости. Пусть он не знал точно, что делать, но решил разобраться с этим раз и навсегда.

С твёрдым намерением герцог зашагал во внутренний замок. Рыцари и солдаты, возвращавшиеся вместе с ним, в молчании расступались перед его зловещей аурой, но подобные мелочи уже не достигали его сознания.

Приближаясь к замку с горящими золотыми глазами, он тут же почувствовал знакомое присутствие.

То, которое мог узнать среди тысяч других. Его помощник.

Как только он ощутил его, все чувства герцога сосредоточились в этом направлении.

Помощник нервно шагал туда-сюда по тропе, по которой шёл бы герцог. Точно так же, как в первые дни их знакомства, когда он ждал, что тот найдёт его во время патруля.

В этих бесконечных шагах герцог уловил нетерпение.

Неужели он, как и герцог, ждал времени, чтобы побыть вместе?

В иное время это растрогало бы его до глубины души, заставив хвост гордо подняться, но сейчас лишь усилило внутреннее горение.

Герцог ускорил шаг.

И, наконец, в тот миг, когда его помощник заметил его приближение...

Герцог подумал: будь у этого человека хвост — он непременно стоял бы торчком, будь у него пушистая грудь — она бы гордо раздулась.

Но помощник не был котом, а потому не имел ни хвоста, ни пушистой шёрстки. Тем не менее, его эмоции читались совершенно ясно.

Видя, как помощник приближается с чувством, которое любой зверь истолковал бы как чистую радость, герцог снова ощутил ту жажду, что уже не раз выжигала его изнутри.

Ему хотелось прикоснуться к нему.

Жажда, вспыхнувшая в горле, пронеслась, словно пожар, от макушки до кончика хвоста.

Он хотел прикоснуться. Он хотел обладать. Он жаждал его — до безумия.

Не в силах сопротивляться пламени, что опалило его позвоночник, герцог шагнул вперёд и схватил помощника.

Прищуренные глаза помощника расширились от неожиданности.

При виде этого жажда вспыхнула с новой силой, и герцог непроизвольно сглотнул.

Несмотря на то, что он уже держал его под своими лапами, несмотря на то, что этот человек уже был, по сути, схвачен за загривок, герцог испытывал невыносимое нетерпение — он хотел обладать им.

Тревога, терзающая его нервы, говорила ему: он должен прикоснуться к своему партнёру. Должен стереть всякую дистанцию между ними.

И герцог, следуя недавно освоенному методу, прижался губами к губам помощника.

Кудрявые волосы запутались между его пальцами, их рты слились в поцелуе.

Герцог скользил по прохладному телу, изучая его контуры прикосновением. Ощущал каждую деталь сухих губ.

Но этого было недостаточно, чтобы утолить жажду. Герцог прижался губами снова, сильнее, не оставляя ни малейшего промежутка. Он хотел прикоснуться больше, ощутить ближе.

Хотел ощутить его прохладу как можно непосредственнее.

Нетерпение, поднявшееся по позвоночнику, нашептывало: контуров недостаточно. Что ему нужно больше. Что он должен коснуться глубже.

Они уже прижались кожей без промежутков. Как можно глубже? Проглотить его целиком? Утолит ли это жажду?

Герцог импульсивно впился клыками в его губы.

— А...

Тихий стон сорвался с губ помощника.

В тот же миг зрачки герцога резко сузились. Его золотистые глаза, похожие на увядающие лепестки фрезии, пристально впелись в помощника, будто проверяя что-то.

Неужели его обычно острое и хладнокровное восприятие вдруг дало сбой? Почему этот еле слышный звук, длившийся лишь мгновение, показался таким ошеломительным?

Он только отчётливо почувствовал, как температура тела, до этого более прохладная, начала стремительно повышаться в точке их соприкосновения.

Это ощущение было таким же ярким, как звук мгновение раньше. Оно охватило его, заставляя мозг буквально кипеть.

Тело пронзил сладостный разряд, пульсируя в пояснице, и герцог...

Дин-дон, дин-дон, дин-дон!

...герцог...

Дин-дон, дин-дон, дин-дон, дин-дон!

...герцог...

Дин-дон, дин-дон, дин-дон, дин-дон, дин-дон!

...бросив на помощника взгляд, полный желания, принял решение.

Он покончит с этим нашествием монстров.

Как можно скорее.

Безоговорочно.

\* \* \*

В том месте, откуда ушёл герцог...

Руан в оцепенении смотрел на удаляющуюся фигуру, затем схватился за голову.

И начал тянуть себя за волосы.

«Я сошёл с ума...»

До этого момента его сердце было переполнено нежностью к герцогу. Он даже собирался выразить её при встрече.

Но... это ведь была не та нежность, верно?

Тогда почему... почему, чёрт возьми...

«Почему, чёрт возьми, я застонал...»

Дёргая себя за волосы, Руан вновь прокручивал в голове произошедшее всего несколько мгновений назад.

Когда герцог впервые прижался к его губам, Руан ещё сохранял рассудок.

Конечно, это было немного ошеломляюще — едва встретившись, быть схваченным и буквально забоданным головой. Но, осознав, что герцог, по какой-то причине, проявляет повышенный интерес к «поцелуям», Руан в последнее время твёрдо решил, что, будучи человеком, он

должен сохранять достоинство.

Ему удалось быстро взять себя в руки и напомнить себе, что это просто кошачье «тыкание мордой».

Он был настолько спокоен, что, оказавшись в одиночестве, даже успел подумать, что надо быстрее подставить губы и увести кота внутрь.

Но проблема была в том, что сегодняшнее «тыкание мордой» кота... было другим.

Герцог проявлял необычайную настойчивость.

Чрезвычайную настойчивость.

Настолько, что даже у того, кто изначально не думал ни о чём таком, начали бы закрадываться сомнительные мысли.

Даже Руан, который вначале спокойно переносил то, как герцог прижимался к его губам, удерживая его за затылок своей большой рукой и не оставляя шансов сбежать, вдруг почувствовал тревогу.

Это, конечно, было всего лишь «тыкание мордой», но... это ведь реально... не так ли?

Закрыв глаза, потому что невероятно красивое лицо герцога, смотрящего на него с таким желанием, смущало, он почувствовал ещё большее смятение. А открыв — снова увидел эту божественную внешность.

Не зная, как реагировать, Руан подумал:

«Хорошо, что этот кот знает только про прижимание губ — если бы он умел больше, учитывая нынешнюю ситуацию...»

Пока он с некоторым смятением терпел это «тыкание мордой», герцог внезапно укусил его за губу.

Для Руана, который уже был слегка возбуждён от всех предыдущих поцелуев, эта неожиданная стимуляция оказалась шокирующе интенсивной.

«Чёрт».

Руан стал человеком, который застонал от кошачьего укуса.

Испытывая глубочайшее отвращение к самому себе, он снова вцепился в свои волосы.

После всех своих решительных обещаний вести себя достойно — и вот так опозориться... Как он теперь посмотрит в глаза этому невинному коту?

Он всегда считал себя человеком, который не теряет головы из-за мимолётных плотских желаний. Никогда бы не подумал, что окажется таким слабовольным.

А что, если он поддастся похоти и набросится на кота...

Как только Руан представил себе этот страшный сценарий, в его голове возник образ чёрного кота, глядящего на него с безграничным доверием в своих ясных глазах.

«Нет».

Как его дворецкий, он обязан защитить своего драгоценного кота от похотливых людей. Он не может совершить нечто столь постыдное с невинным созданием.

«Сколько бы раз я ни убеждал себя держать себя в руках и относиться к герцогу правильно... после такого я уже начинаю сомневаться в себе...»

Глубоко вздохнув, Руан начал приводить в порядок свои волосы, взъерошенные как рукой герцога, так и его собственными отчаянными попытками их выдрать.

Длинные кудри, судя по всему, были естественной причёской «Руана Дэйна», поэтому он продолжал их носить, но ухаживать за ними было действительно непросто.

Проводя пальцами по спутанным прядям, Руан подумал:

«Надеюсь, герцог потеряет интерес к «тыканию мордой» раньше, чем я совершу нечто зверское».

Если возможно... то до того, как нашествие монстров закончится и они снова начнут проводить вместе целые дни.

<http://bllate.org/book/12567/1117833>